

Между нами — свет рампы

Туркменская искра - Мурадов - 1992 - 27 марта

Зритель, конечно, всегда разный. Но он никогда не бывает плохим. История нашего театра — Академического им. Молланепеса — это и история нашего зрителя, он рос вместе с нами, переживая все наши взлеты и неудачи. Я пришла в театр в 1929 году и более чем за 60 лет работы в нем испытала всю полноту любви тех людей, для которых каждый вечер выходила на сцену.

Начиналась эта любовь с активного неприятия женщин-актрис. Нас в труппе сначала было много, потом осталось всего трое. Но я не вижу своих несостоявшихся коллег — в те годы, чтобы стать актрисой, нужно было иметь огромное

мужество и характер. Ведь работали мы с риском для жизни. Часто во время гастролей нас прятали в пшенице или сене, спасая от басмачей. И если их пули нас все-таки не нашли, благодарить надо только судьбу.

А после 30-х годов для туркменских актрис наступила пора ренессанса. Никогда, наверное, наша профессия не была столь престижной и популярной, как тогда. Помню, играли мы в здании на месте нынешнего культурпросветтехникума. И вот еще засветло из близлежащих аулов сюда, в центр города, начинали стекаться люди на стареньких арбах. Приезжали в театр семьями.

А ведь что мы тогда играли? «Ревизора» Гоголя, «Разбойников» Шиллера, «Любовь Яровую» К. Тренева. Почти весь репертуар состоял из переводных пьес. И зрители прекрасно понимали нас: они плакали и смеялись вместе с нами. Я узнала тогда главное о своей профессии: театр — это мир чувств, а любят и страдают везде одинаково.

В 50-е годы наш театр тоже был полон. Такого интереса к сцене, к искусству вообще я больше не помню. Спектанли тогда игрались подолгу, но зритель все равно ходил. «Зохре и Тахир» могли смотреть сто раз, а «Сын пастуха» Г. Мухтарова и К. Сейтлиева имел 16 аншлагов. Я в те годы

играла много и не припомню случая, чтобы ушла домой без цветов. У каждого из нас были свои поклонники, которые всегда узнавали нас.

Из-за моей популярности однажды произошел даже курьезный случай. Пошли мы как-то с друзьями в театр оперы и балета, на оперу «Зохре и Тахир». Сели в третьем ряду. Впереди нас начали переговариваться молодые люди. И вдруг слышу один из них говорит: «Это Сурай Мурадова играет!» Я не выдержала и зашептала им в спину: «Не Сурай, Аннагуль Аннакулиева поет!..»

Жаль, что оперный потерял своего зрителя, впрочем, как и наш театр тоже.

И я думаю, не потому, что время сейчас другое — не до зрелищ. Зритель всегда чувствует фальшь, его обмануть нельзя.

И еще. Мне кажется, из театра сегодня ушло что-то очень важное, что делало его посещение праздником. Раньше приходили сюда, как в храм. И не одни зрители, но и мы, актеры. Нас разделял только свет рампы, а в душе у нас жил одинаковый трепет перед искусством по имени Театр.

Сурай МУРАДОВА,
народная артистка
Туркменистана.